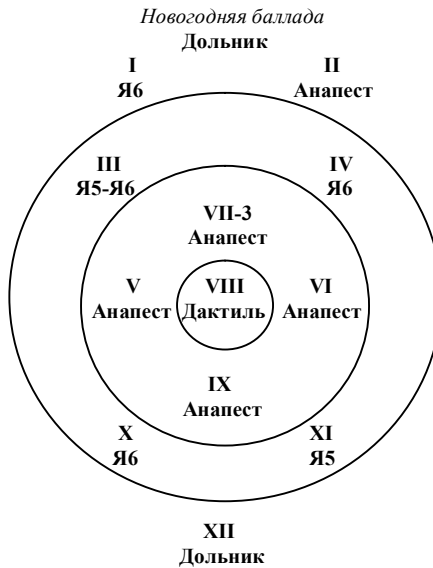

СХЕМА МЕТРИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЦИКЛА «ВЕНОК МЕРТВЫМ»

Л.Д. ГУТРИНА

Уральский государственный педагогический университет

СТИХОТВОРЕНИЕ АННЫ АХМАТОВОЙ «НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ»: ДИАЛОГ С ОСИПОМ МАНДЕЛЬШТАМОМ

Работа посвящена проблеме диалога О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой; исследуется семантика многочисленных отсылок к творчеству О.Э. Мандельштама 1910-30-х годов в стихотворении А.А. Ахматовой «Немного географии».

Актуальность проблемы диалога А.А. Ахматовой и О.Э. Мандельштама определяется прежде всего высказываниями самих его участников. В частности, во «Второй книге» Н.Я. Мандельштам приводит следующие слова Ахматовой, отражающие её особое отношение к Мандельштаму: «Не надо делать нас близнецами, но разлучать нас

нельзя: мы вместе» (6; 196). Со слов жены Мандельштама также известна фраза поэта, переживающего воронежскую ссылку: «... Нас признали только две женщины — Анна Андреевна и Вера Яковлевна» (6; 196). Надежда Яковлевна писала, что Осип Эмильевич «ценил дружбу Ахматовой. С ней был разговор, шутка, смех, вино и главное — *общий путь*, одинаковое понимание самых существенных вещей и взаимная поддержка в труде и во всех бедах. Они были союзниками в самом настоящем смысле слова. Их было *только двое, и они стояли на одном*» (курсив наш — Л.Г.; 6; 191). Т.В. Цивьян убеждена, что «Ахматова до конца жизни продолжала диалог и даже выяснение отношений с Мандельштамом» (10; 21). В силу этого цель настоящей работы — сделать очевиднее один из моментов диалога двух поэтов.

В центр нашего внимания мы поставили стихотворение А. Ахматовой «Немного географии» с посвящением «О.М.» — Осипу Мандельштаму. Как известно, Осип Эмильевич Мандельштам, вернувшийся из воронежской ссылки в мае 1937 года, был вновь арестован 3 мая 1938 года в подмосковном санатории «Саматиха» и отправлен по этапу в пересыльный лагерь 3 / 10 под Владивостоком. «География» этого *пути* и составила первый, видимый, план ахматовского стихотворения. Приведём его полностью.

Немного географии

О.М.

1. Не столицей европейской
2. С первым призом за красоту —
3. Душной ссылкой енисейской,
4. Пересадкою на Читу,
5. На Ишим, на Иргиз безводный,
6. На прославленный Атбасар,
7. Пересылкою в лагерь Свободный,
8. В трупный сумрак прогнивших нар, —
9. Показался мне город этот
10. Этой полночью голубой,
11. Он, воспетый первым поэтом,
12. Нами грешными — и тобой. (3; 254-255)

Центральным для стихотворения является уподобление Петербурга — прекрасной европейской столицы — месту ссылки, создающееся за счёт отрицательного сравнения («Не столицей европейской / С первым призом за красоту / — Душной ссылкой енисейской.../ Показался мне город этот»), в котором противопоставленные начала сближены посредством синтаксического параллелизма: «Не столицей европейской — Душной ссылкой енисейской». Шесть строчек (3-8),

фиксирующих, с одной стороны, обширную географию пересыльного этапа (Чита, Ишим, Иргиз, Атбасар, Свободный), огромность расстояния от Петербурга до Владивостока, с другой стороны, способствуют формированию семантики сближения *северной столицы* России и ссылки, поскольку всё стихотворение представляет собой единое синтаксическое целое.

Именно с названным уподоблением (Петербург — ссылка) связана первая линия диалога Ахматовой с Мандельштамом. Ключевой образ стихотворения отсылает к знаменитому мандельштамовскому «Волку» («За гремучую доблесть грядущих веков...»), в котором, напротив, место ссылки напоминало прекрасный мир Петербурга с его светлыми ночами:

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
 Ни кровавых костей в колесе,
 Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
 Мне в своей первобытной красе.
 Уведи меня в ночь, где течёт Енисей,
 И сосна до звезды достаёт... (8; 199)

Диалог А. Ахматовой с О. Мандельштамом очевиден на лексико-семантическом уровне: «чтоб *сияли* всю *ночь голубые песцы*» у Мандельштама — «этой *полночью голубой*» у Ахматовой; «в своей *первобытной красе*» у Мандельштама — «с *первым призом за красоту*» у Ахматовой.

Разговор с О. Мандельштамом осуществляется также на уровне звуковой организации ахматовского стихотворения. В развёрнутой части отрицательного сравнения (строки 3-8) ассонансом на [у] объединены слова «*душной*» (ссылкою)), «*Читу*», «*трупный*», «*сумрак*». Компоненты этого ряда вкупе с ситуацией *пути* актуализируют стихотворение раннего Мандельштама (1910):

Душный сумрак кроет ложе,
 Напряжён дышит грудь...
 Может, мне всего дороже
 Тонкий крест и тайный путь... (8; 319)

«*Ложь*», покрытое «*душным сумраком*» надежд и жажды самоопределения, оборачивается в стихотворении А. Ахматовой «*трупным сумраком*» прогнивших *нар*», а «*тайный путь*», о котором мечтал лирический герой молодого Мандельштама, — *последним путём* — путём к могиле «неизвестного солдата»; этот путь, действительно, ока-

зался «тайным» — скрытым от глаз близких Мандельштаму людей. Ахматовское стихотворение пронизано чувством горчайшей иронии.

Любопытно, что стихотворение «Немного географии» А. Ахматова хотела включить в поэму «Реквием»¹, в четвёртой главке которой выражено сходное настроение:

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской весёлой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трёхсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять... (1938, 3; 198)

Но здесь ирония отчётливо направлена на саму Ахматову, сын которой был арестован двумя месяцами раньше Мандельштама, 10 марта 1938 года.

Таким образом, стихотворение «Немного географии» оказывается обращённым и на судьбу А.А. Ахматовой. Эта «обращённость» поддерживается ещё несколькими фактами. Во-первых, датировкой исследуемого текста. Стихотворение «Немного географии», содержащее перечисление этапов последнего пути поэта, арестованного в мае 1938 года, датировано 1937-м годом в большинстве ахматовских изданий². Скорее всего, здесь мы имеем дело с сознательным искажением датировки поэтом. Причину этого искажения отчасти объясняют слова Исаии Берлина о том, что в сознании А. Ахматовой сложился «трагический образ самой себя как Кассандры» (5; 42). Изменив датировку, Ахматова акцентировала, во-первых, свою провидческую способность («тайный путь» Мандельштама был ей известен уже в 1937 году, ещё до ареста поэта), а во-вторых, провидческую способность Мандельштама, посвятившего ей в 1917 году стихотворение «Кассандре» (8; 143).

Наконец, существенно, что стихотворение «Немного географии» входит в цикл «Из стихотворений 30-х годов» (3; 254-257; 417). Пятым

¹ «В декабре 1962 года Ахматова обсуждает с Чуковской состав двух разделов книги: «Реквиема» и «Стихотворений 30-х годов»; не надо ли часть стихотворений 30-х годов включить в «Реквием» — «Немного географии», «И вот, наперекор тому...» и некоторые другие. См.: Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Книги стихов. М., 2000. С. 556.

² Лишь в издании «Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство, 1987» под стихотворением «Немного географии» стоит дата «1939». В двухтомном издании 1986 года (1) под стихотворением стоит <1939?>.

в цикле является стихотворение «Я знаю, с места не сдвинуться...» (1937):

.
 Я знаю, с места не сдвинуться
 Под тяжестью Виевых век.
 О, если бы вдруг откинуться
 В какой-то семнадцатый век.

 С душистою веткой березовой
 Под Троицу в церкви стоять,
 С боярынею Морозовой
 Сладкий медок попивать,

 А после на дровнях в сумерки
 В навозном снегу тонуть...
 Какой сумасшедший Суриков
 Мой последний напишет путь?

Отточие, с которого начинается стихотворение, свидетельствует о *возобновлении* по какой-то причине прервавшегося монолога. Полагая, что его началом как раз является стихотворение «Немного географии», а вот «Я знаю, с места не сдвинуться...» — это размышление по поводу первого стихотворения. Главный аргумент состоит в том, что имплицитно присутствующий в стихотворении «Немного географии» образ «последнего пути», в стихотворении «Я знаю, с места не сдвинуться...» дан эксплицитно:

Какой сумасшедший Суриков
 Мой *последний* напишет *путь*?

В основе стихотворения лежит известный факт ахматовской биографии: как-то А.А. Ахматова и Н.Н. Пунин стояли у картины В. Сурикова «Боярыня Морозова», и Пунин сказал: «Когда-нибудь и Вас повезут так же». Образ Морозовой в творчестве А.А. Ахматовой становится устойчивым (см., например, стихотворение 1962 года «Последняя роза»: 3; 294): путь в ссылку раскольничихи Феодосьи Прокопьевны Морозовой, сторонницы протопопы Аввакума, сделавшей свой дом убежищем для гонимых старообрядцев, умершей в заключении, воспринимается Ахматовой, до конца поддерживавшей отношения с опальным Мандельштамом, как *свой собственный*. Описав в главном стихотворении цикла «Из стихотворений 30-х годов» «тайный», последний путь Осипа Мандельштама, в стихотворении «Я знаю, с места не сдвинуться...» Анна Ахматова задумывается над тем, кто «напишет» «последний путь» её самой. Судя по обилию отсылок к творчеству О. Мандельштама в стихотворении «Я знаю, с места не

сдвинуться...», именно Мандельштам, и только он, способен на адекватное слово о ней.

Оставляя за пределами данной статьи многочисленные аллюзии на творчество Осипа Мандельштама в стихотворении «Я знаю, с места не сдвинуться...», всё же укажем на одну из них. Прилагательное «сладимый» («сладимый медок попивать»), редко встречающееся в речи и потому «выдвинутое», заставляет вспомнить единственное стихотворение О. Мандельштама с тем же эпитетом (1931):

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный дёготь труда.
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и *сладима*,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда... (8; 203)

Данное стихотворение, начинающееся просьбой о сохранении речи, трактовалось неоднократно и по-разному. С точки зрения Е.Г. Эткинда, просьба адресована «народной семье», частью которой желает стать герой стихотворения (11; 262-263); А.Г. Мец высказывает мнение о том, что речь идёт о родном языке (8; 582); В.В. Мусатов полагает, что «главное действующее лицо» здесь — «сама русская история с её чудовищными масштабами» (9; 375).

Для нас же в данной работе существенно, что стихотворение «Сохрани мою речь навсегда...» создавалось как бы при участии А.А. Ахматовой, о чём сообщает Н.Я. Мандельштам: «Само стихотворение ... не посвящено никому. О.М. мне сказал, что только Ахматова могла бы найти последнее не хватавшее ему слово — речь шла об эпитете «совестный» к дёгтю труда. Я рассказала об этом Анне Андреевне — «он о вас думал» (это его буквальные слова) потому-то и потому-то... Тогда Анна Андреевна заявила, что, значит, *он к ней обращается* (курсив наш — Л.Г.), и поставила над стихотворением три «А». Вполне допустимо, что так оно и было» (7; 204-205). Исходя из этого, пронизанность мандельштамовскими «подтекстами» стихотворений «Немного географии» и «Я знаю, с места не сдвинуться...» (а также и других стихотворений цикла «Из стихотворений 30-х годов»³), следует воспринимать как ответ Анны Ахматовой на просьбу Осипа Мандельштама о сохранении его речи.

Литература:

1. Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1986.

³ См., например, в стихотворении «Зачем вы отравили воду...» мотивы казни (плаха, палач), «армянское» стихотворение Ахматовой (3; 255), сюжет которого, по свидетельству комментаторов, мог быть известен ей по рассказам Мандельштама (3; 417).

2. *Ахматова А.А.* Стихотворения и поэмы. Свердловск, 1987.
3. *Ахматова А.А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
4. *Ахматова А.А.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Книги стихов. М., 2000.
5. Ахматовские чтения: А. Ахматова, Н. Гумилёв и русская поэзия начала XX века. Тверь, 1995.
6. *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. М., 1990.
7. *Мандельштам Н.Я.* Комментарий к стихам 1930-37 годов // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 189-312.
8. *Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений. СПб., 1995.
9. *Мусатов В.В.* Поэтика Осипа Мандельштама. Киев, 2000.
10. *Цивьян Т.В.* Мандельштам и Ахматова: к теме диалога // Столетие Мандельштама: материалы симпозиума. Эрмитаж, 1994. С. 21-29.
11. *Эткинд Е.Г.* Осип Мандельштам — трилогия о веке // Слово и судьба. 1991. С. 240-271.